

КРИТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ.

Большинство талантливых русских художников-писателей, рано ли, поздно ли, переживает очень сложный душевный кризис: или перестает удовлетворять самоудовлетворяющее творчество, и от выразительных образов, созданных чуткой и восприимчивой фантазией, от картин и явлений, воспроизведенных часто с силой и рельефностью не оставившей равнодушными, они, мало по малу, переходят к поучению, к проповеди.

Я уже отбичал как то, в одном из своих фельетонов, эту знаменательную черту, как характерную особенность русского гения, которому дороже всего правда жизни и внутренний смысл ее. Ярче всего эта особенность отразилась в Гоголе, Достоевском, Толстом. Этими тремя гениальными писателями, — равных которых, по стихийной мощи и проникновенности, трудно найти в европейской литературе, — в концѣ концов как будто становилось совѣстно только рисовать жизнь в том или другом освещеніи, сообразно съ своимъ убѣжденіямъ, темпераментамъ и прочими качествами, образушшимъ, въ общемъ, ту призму, через которую преломлялась воспринимаемая имъ действительность. Какъ жрецы, служащіе Богу истины, они, въ концѣ концовъ, не удовлетворялись границами принятаго ритуала и, презрѣвъ традиционную условность, списанную или поклоненіе и лавры, обращались непосредственно къ слушателямъ съ горячими проповѣдническими рѣчами.

Было бы, еще вопросъ, что скорѣе и глубже западаетъ въ умъ и сердце читателя: правда — заключенная въ образъ, или та же правда, высказанная въ безыскусственной формѣ поученія. Въ этомъ отношеніи надо, прежде всего, признать, что только крупный талантъ, заставившій своимъ художественнымъ творчествомъ ухватить въ свою силу, граничащую чуть ли не съ абсолютнымъ, въ состояніи привлечь къ себѣ вниманіе читателей непреклонною моралью. Такъ, мы въ настоящее время видимъ, какъ чутко прислушивается къ этическимъ выводамъ и поученіямъ Льва Толстого не только вся Европа, но и весь міръ. Не вѣрять, что Толстой видитъ дальше и яснѣе жизни, чѣмъ кто бы то ни было, постигаетъ человѣческую душу глубже и правдѣе, чѣмъ всѣ другіе «учители жи-

ви». Этотъ выводъ сдѣланъ на основаніи его художественныхъ произведеній, и потому каждое слово, каждая мысль Толстого хватаются на лету и находятъ своихъ выразителей и приверженцевъ, готовыхъ воплотить все это въ жизни.

И надо отдать справедливость Толстому, въ каждомъ заблужденіи его есть зерна истины, несбывшимъ безавѣрной любовью къ человечеству и состраданіемъ къ его нуждамъ, тревогамъ и сомнѣніямъ. Слова общенравственныя, истины неоспоримыя, но далекія отъ жизни, въ устахъ Толстого принимаютъ какъ будто особенное значеніе, особенный смыслъ; они точно оживаютъ, и извѣрившаяся толпа, начинавшая считать ихъ не болѣе, какъ призракомъ, какъ Фому, готова пасть передъ ними на колѣни, только бы позволено было вложить персть въ раны ихъ, дабы убѣдиться, что это не сонъ, а явь.

Самыя противорѣчія въ такихъ случаяхъ не только извинительны, но и вполне понятны. Пусть въ рѣку, стремящуюся къ океану, впадаютъ ручьи. Они какъ будто заставляютъ ее измѣнять теченіе. На самомъ же дѣлѣ, какіе бы повороты и изгибы она ни дѣлала, все равно, русло ея — приведетъ ее къ морю.

Г. Чеховъ тоже, очевидно, почувствовалъ себя на той высотѣ, которая обязываетъ русскаго писателя — поучать. Такое стремленіе должно находиться въ прямой зависимости отъ основныхъ свойствъ таланта и не можетъ удивить, напримѣръ, въ Короленко, но въ Чеховѣ кажется до какой-то степени удивительнымъ.

Сумеречный писатель, выработавшійся изъ легкомысленнаго Антоши Чехонте, фотографическій аппаратъ котораго, по выраженію Михайловскаго, съ одинаковымъ безразличіемъ отпечатывалъ самоубійцу и корову съ бубенчикомъ, — въ роля моралиста!..

Говоря въ предыдущемъ фельетонѣ о «Человѣкѣ въ футлярѣ», отдавая должное удивительной типичности этого своеобразнаго «фрукта» нашей жизни, я тогда же отбичалъ противорѣчія и фальшь въ освѣщеніи этого образа, умалчивая о недостаткахъ этого произведенія: отсутствіи настоящаго юмора, анекдотичности нѣкоторыхъ сценъ и грубоватой подтасовкѣ часто внѣшнихъ чертъ къ внутреннимъ, что значительно суживаетъ этотъ въ дѣйствительности разнообразный образъ. Сила мораль разсказа не совѣсть впадала съ этикой титовъ, но тѣмъ не менѣе, разсказъ производилъ сильное впе-

чатливое внимание и близостью намъ об-
риза, ускользавшаго доселѣ отъ русскихъ
беллетристовъ.

Совсемъ не то два новыя рассказа Чи-
хова: «Крыжовникъ» и «О любви», со-
ставляющие какъ бы одну серію съ «Ис-
ловкомъ въ футлярѣ». И въ этихъ
двухъ рассказахъ авторъ обращаетъ вни-
маніе на педантизмъ, фальшь и уродства
нашей жизни, загораживающіе горизонты,
затрудняющіе проникновеніе въ нашу
жизнь настоящаго свѣта, который прино-
силъ бы людямъ нравственное удовлетво-
реніе, миръ и покой, сообразно возвы-
шеннымъ понятіямъ о человѣческомъ до-
стоинствѣ.

Въ первомъ очеркѣ „Крыжовникъ“
тотъ же Иванъ Ивановичъ Чимша-Гима-
лайскій рассказываетъ про своего брата,
чудака, который почти всю жизнь свою
только и мечталъ, какъ о величайшемъ
счастьи, «о томъ, какъ онъ будетъ ѣсть
свои собственныя щи, отъ которыхъ идетъ
такой вкусный запахъ по всему двору,
ѣсть на зеленой травкѣ, спать на сол-
нышкѣ, сидѣть по цѣлымъ часамъ за во-
ротами на лавочкѣ и гладѣть на полѣ и
лѣсъ. Сельско-хозяйственныя книжки и
всякіе эти совѣты въ календаряхъ со-
ставляли его радость, любимую духовную
пищу; онъ любилъ читать газеты, но чи-
талъ въ нихъ одни только объявленія о
томъ, что продаются столько то десятинъ
пашни и дуга съ усадьбой, рѣкой, садомъ,
мельницей съ проточными прудами. И ри-
совались у него въ головѣ дорожки въ
саду, цвѣты, фрукты, скворешницы, кара-
си въ прудахъ и, знаете, всякая такая
штука. Эти воображаемыя картины были
различны, смотря по объявленіямъ, кото-
рыя ему попадались, но почему то въ
каждой изъ нихъ непременно былъ кры-
жовникъ. Ни одной усадьбы, ни одного
поэтического уголка онъ не могъ себѣ
представить безъ того, чтобы тамъ не бы-
ло крыжовника.»

Въ концѣ концовъ, путемъ лишений и
всякихъ жертвъ одной изъ которыхъ бы-
ла чуть ли не умеренная нищета голодомъ
жена, онъ, наконецъ, скопилъ себѣ доста-
точное количество денегъ, купилъ
какое то ильничко и осуществилъ свою
завѣтную мечту, посадилъ вокругъ дома
крыжовникъ, съ котораго, въ концѣ кон-
цовъ, и собралъ ягоды, поѣдая ихъ съ
необычайной жадностью и наслажденіемъ,
какъ божественную амброзію.

„Я видѣлъ счастливаго человѣка“, го-
воритъ рассказчикъ, «завѣтная мечта ко-

торого осуществилась такъ очевидно, ко-
торый достигъ цѣли въ жизни, получилъ
то, чего хотѣлъ, который былъ доволенъ
своей судьбой, самимъ собой. Къ новымъ
мыслямъ о человѣческомъ счастьи всегда
почему то приходило то что то грустное,
теперь жъ, при видѣ счастливаго человѣка
много овладѣло тяжелое чувство, близкое
къ отчаянію. Особенно тяжело было ночью.
Мнѣ послали постель въ комнату, ри-
домъ съ спальней брата, и мнѣ было
слишкомъ, какъ онъ не спалъ и какъ вста-
валъ и подходилъ къ тарелкѣ съ кры-
жовникомъ и бралъ по ягодкѣ. Я сооб-
ражалъ: какъ, въ сущности, много доволь-
ныхъ, счастливыхъ людей?..

Какая это подавляющая сила! Вы
взгляните на эту жизнь: наглость и
праздность сильныхъ, невѣжество и ско-
топодобіе слабыхъ, кругомъ бѣдность
невозможная, тѣснота, вырожденіе, пья-
нство, лицемеріе, вранье... Между
тѣмъ во всѣхъ домахъ и на улицахъ ти-
шина, спокойствіе; изъ пятидесяти-тысячъ
живущихъ въ городѣ ни одного, который
бы вскрикнулъ, громко возмущенъ. Мы
видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ
за провизіей, днемъ ѣдать, ночью спать,
которые говорятъ свою чепуху, женятся,
старятся, благодушно тащатъ на кладби-
ще своихъ покойниковъ; но мы не видимъ
и не слышимъ тѣхъ, которые страдаютъ,
и то, что страшно въ жизни, происхо-
дитъ гдѣ-то за кулисами. Все тихо, спо-
койно и протестуетъ одна только иѣмая
статистика и т. д. и т. д., въ этомъ же
незамысловатомъ духѣ, въ тѣхъ же сгу-
щенныхъ краскахъ, не всегда близкихъ
къ правдѣ, особенно въ томъ, что никто
противъ этого будто-бы не протестуетъ,
кромя статистики. Свою брызжащую рѣчь
Иванъ Ивановичъ заканчиваетъ слѣдую-
щимъ горячимъ обращеніемъ къ своимъ
слушателямъ.

— «Не успокаивайтесь, не давайте
усыпять себя, дѣлайте добро! Пока мо-
лоды, сильны, бодры, не уставайте дѣ-
лать добро! Счастья нѣтъ и не должно
его быть, а есть жизнь и если она имѣ-
етъ смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и
цѣль вовсе не въ нашемъ счастьи, а въ
чемъ то болѣе разумномъ и великомъ.
Есть жизнь, есть нравственный законъ,
высшій для насъ законъ... Дѣлайте до-
бро!».

Конечно, для такого вывода не стоило
«огородъ городить и Крыжовникъ са-
дить», а еще болѣе, не слѣдовало дѣлать
того не идущаго, что называется, ни къ

села ни въ городу истязанія, въ кото-
ромъ очень пристрастно и даже худже-
ственно, но сомнѣвъ не могли, разжигав-
шая, какъ пріятель помина въ міромъ
Алексию, который «съ весны не вылезъ»,
внѣзъ этого Алексинъ влюбился въ какъ вы-
скалъ того, какъ онъ въ первый разъ «на-
мывалъ свои длинные волосы и жисть, когда
около него стала коричневая», а когда
Алексинъ «еще разъ намывался, когда око-
ло него стала темно-синей, какъ чернила»,
и проч. и проч...

Но это не такъ важно. Важна мораль
автора, ознакомившись съ исторіей, довер-
чивый читатель, предполагая, прива-
нется убѣжденіемъ, что счастья нѣтъ и не
должно быть, а есть жизнь и если она
имѣетъ смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ
и цѣль вовсе не въ нашемъ счастьи, а въ
чемъ то болѣе разумномъ и великомъ... и
рѣшить, что надо дѣлать добро...

Такому читателю мы положительно не
совѣтуемъ читать второго разсказа Чехова
«О любви», потому что мораль этого раз-
сказа мгновенно собьетъ доверчиваго ав-
тора «съ панталыку».

Судите сами.

Въ этомъ разсказѣ г. Алексинъ, тотъ
самый, который такъ упорно плавалъ
и нырялъ и такъ чудесно мылъ волосы,
что вода отъ нихъ сначала становилась
коричневой, а затѣмъ темно-синей, какъ
чернила, этотъ Алексинъ докладывавъ на-
шимъ пріятелямъ о своей минувшей люб-
ви. Вы, конечно, знаете давнее стихотво-
реніе Майкова: «Любилъ-ли ты когда на
родниѣ своей?». Стихотвореніе это, какъ
известно, оканчивается страстнымъ вос-
кличаніемъ итальянки, любящей и выслу-
шавшей съ изумленіемъ отъ своего воз-
любленнаго повѣсть его чистой и молча-
ливой любви:

«Любить — молчать! И вы любилъ?
Боже!»...

На такую же тему написанъ и разсказъ
Чехова «О любви». Алексинъ влюбился въ
одну губернскую даму, жену товарища
предсѣдателя окружного суда, человека не
молодого и скучнаго. Этотъ товарищъ
предсѣдателя скоро сталъ товарищемъ г.
Алексина, выказывая ему самое друже-
ское расположеніе и довѣріе. Въ концѣ-
концовъ, Алексинъ и жена товарища пред-
сѣдателя полюбили другъ-друга, но, какъ
и у Майкова, Алексинъ могъ бы ска-
зать:—

«Наразу, ни о чѣ,

Ни я, любви своей ни высказать не
смѣю.

Лили худо скрытый вздохъ, случай-
ный близкій взоръ
ей мѣнялъ. У насъ всегда былъ
разговоръ
Незатумъ, о вещахъ пустыхъ, обы-
кновенныхъ,
Но, какъ то, въ тѣхъ словахъ, въ
той болтовнѣ пустой,
Угадывали мы душою смыслъ иной
И полость слышали страданій сокро-
венныхъ».

Въ концѣ-концовъ, ее это стало мучить:
«У насъ уже было дурное настроеніе,
вызванное сомнѣніемъ неудовлетворенной, испор-
ченной жизни, когда не хотѣлось выдвѣ-
сти ни мужа, ни дѣтей. Она уже лѣчилась отъ
разстройства нервовъ».

И не стѣсняясь выказывать свое раз-
драженіе и недовольство г. Алексиному,
разрушившему миръ ея семейнаго очага,
понимавшаго, какой расколъ онъ вноситъ
въ ея жизнь и все же не правившаго
никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, чтобы
такъ или иначе прекратить эту безмолв-
ную драму, или однимъ ударомъ разру-
бить ее, какъ Гордіевъ узелъ. Видя это,
она не выдержала и рѣшилась бѣжать,
увязать съ глазъ долой.

«Нужно было проститься... «Когда тутъ,
въ кушѣ, взгляды наши встрѣтились», до-
кладываетъ Алексинъ, «душевные силы о-
ставили насъ обоихъ, я обнялъ ее, она
прижалась лицомъ къ моей груди, и
слезы потекли изъ глазъ; цѣлуя ея лицо,
плечи, руки, мокрая отъ слезъ,—о, какъ
мы были съ ней несчастны! —я признался
ей въ своей любви, и со жгучей болью
въ сердцѣ я понялъ, какъ не нужно, мел-
ко и обманчиво было все то, что намъ
мѣшало любить. Я понималъ, что когда лю-
бишь, то въ своихъ разсужденіяхъ объ
этой любви нужно исходить съ высшаго,
съ болѣе важнаго, чѣмъ счастье или не-
счастье, грѣхъ или добродѣтель въ ней
ходячемъ смыслѣ, или не нужно рассу-
ждать вовсе».

Выводъ сдѣланъ чрезвычайно любопыт-
ный, если, конечно, не принимать во вни-
маніе, что Алексинъ отчасти удерживала
отъ рѣшительнаго шага мысль, что ей,
выражаясь грубо, придется переимѣнить
въ сущности «кукушку на ястреба», т.
е., попасть изъ одной будничной обста-
новки въ другую, еще болѣе будничную,
а также опасеніе, что счастье можетъ
длиться недолго. Алексинъ размышляетъ:
«Что было бы съ ней въ случаѣ моей бо-

лизи, смерти, или, просто, если бы в разлюбил друг друга?»

Если все это принять въ соображеніе то нечего жадѣть, что Алексинъ не поступилъ такъ, какъ повелѣвало его сердце иначе онъ уморилъ бы очень скоро умственную или женщину своей риторикой.

Важно рассмотреть заключеніе авторъ рассказчика-тожь, съ чисто прищипанной точки зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно ли «не нужно, мелко и мелко» было все то, что имъ итѣла любить, т. е., дѣти, боязнь доставить страданіе мужу, человѣку, любящему общаго и вѣрящему въ ихъ честность, и наконецъ, собственная неуверенность въ силѣ и постоянствѣ этой любви?

Вѣдь, авторъ въ первомъ рассказѣ угадываетъ дѣлать добро, не заботясь о собственномъ счастьи, поучаетъ даже, что счастья нѣтъ и не можетъ быть, что есть нравственный законъ, высшій для всѣхъ законовъ!.. Не подчиняется ли этому закону и та любовь, которую расцвѣтитъ на ихъ ховѣ?

Я очень далеко отъ пошлой гимн-ской морали и условныхъ добродѣтелей, но тѣмъ не менѣе, у меня какъ то лежи́тъ душа къ выводу, сдѣланному Алексинимъ. Въ немъ совершенно почувствуется трещина, червоточина, скважина, которую глядя улыбающіеся иронически очи эгоизма. Я вовсе не хочу въ виду уличить Чехова въ противорѣчіе морали пераго рассказа со второй. Но противорѣчіе ясно само собой, хотя онъ и хочетъ его прикрыть дырявыми словами о томъ, что или не нужно разсуждать въ такихъ случаяхъ вовсе, или въ разсужденіяхъ о любви исходить съ высшаго чѣмъ грѣхъ, или добродѣтель, въ такомъ смыслѣ.

Во первыхъ, слова «грѣхъ или добродѣтель въ ходячемъ смыслѣ» здѣсь не идутъ. Ходячій, или исходячій смыслъ имъ будемъ придавать этимъ словамъ, и равно, если бы влюбленные несли рекордъ или въ данномъ случаѣ, они, и сомнѣнно, сдѣлали бы несчастными и мужа и дѣтей, а ужъ это настоящій грѣхъ. Что же касается фразы «не разсуждать» такъ вѣдь это совсѣмъ пустая фраза, равно ничего не выражающая, а чего и опредѣляющая. Конечно, чего же не разсуждать въ такихъ сложнѣйшихъ вопросахъ жизни, но, тѣмъ не менѣе, врядъ ли такое поведеніе можетъ считаться вѣсмажнымъ на пути добра.

А. Федоровъ.